

Н.С. Бердинских

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ВОСТОЧНОЙ ЛЕГЕНДЫ» Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «БАЙМАГАН»

Аннотация. В статье рассматриваются идейно-художественные особенности одной из «восточных легенд» Д.Н. Мамина-Сибиряка – «Баймаган». Своеобразие легенды связывается с интересом уральского писателя к восточной культуре и фольклору. Восточный колорит маминской легенды просматривается в построении системы образов, сюжете, использовании характерных природных образов. Обнаруживается влияние идей буддизма на содержание произведения.

Ключевые слова: русская литература, уральская литература, уральские писатели, литературное творчество, восточные легенды, восточный фольклор.

Известно, что у Д.Н. Мамина-Сибиряка есть несколько произведений, имеющих неофициальное (данное не автором) обобщающее название – «восточные легенды». К ним относятся пять легенд: «Баймаган», «Лебедь Хантыгая», «Слёзы царицы», «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме» и «Майя».

Предпочтение Мамина-Сибиряка в выборе легендарной основы для будущих пяти произведений объяснил И.А. Дергачев, заметив, что многие крупные писатели 1880-х годов «обратились к притчам, сказаниям, легендам, где как бы обнажались ряды философских смыслов, стоящих за бытом, за историческими формами отношений между людьми, за фактами, которые уже привлекали поэтическое сознание представителей других цивилизаций» [Дергачёв 2005: 210 – 211]. По мнению исследователя, жанровая форма легенды «становилась своеобразным "языком" искусства, позволявшим сталкивать противоположные и взаимоисключающие идейные решения» [Дергачёв 2005: 211]. При этом, на первый взгляд, «легенды, создававшиеся писателями, представлявшими народную Россию <...> уводили от современности», но на самом деле «в них

выражались заметные и всё растущие тенденции реалистического искусства найти зону контакта "общих идей" и быта, частного бытия человека» [Дергачёв 2005: 213 – 214]. Исследователи обнаруживают и биографическую причину обращения писателя к теме Востока и жанру легенды: известно, что во время работы над большинством произведений цикла Мамин-Сибиряк «находился во власти самой большой страсти в своей жизни – любви к драматической актрисе Марии Абрамовой» [Приказчикова 2002: URL].

Оригинальность легенд Мамина-Сибиряка по-разному оценивалась современниками. Так, например, критик «Русской мысли» Е. Алекторов полагал, что Мамин-Сибиряк «передает стародавние сибирские сказания, в которых вымыслы народной фантазии тесно переплетаются с подлинными историческими преданиями, сохранившимися в памяти зауральских инородцев». Критик был уверен, что писатель только «собрал пять легенд, придал им изящную литературную форму, причем мастерски сохранил дух и тон киргизов, сложивших эти повествования». Но Мамин-Сибиряк не мог принять характеристику данного своего творчества как «собираательства» и парировал в письме к Ф. Фидлеру: «Все типы, все завязки, вся конструкция действия – мои от первого слова до последнего» [см.: Приказчикова 2002: URL].

Безусловно, при создании «восточных легенд» Мамин-Сибиряк опирался на особенности российской национальной культуры и фольклор. В 1889 году писатель обратился в «Общество любителей Российской словесности» с письмом, в котором просил предоставить ему право заняться собиранием песен, сказок, поверий и других произведений народного творчества Сибири и Зауралья. Причина данного интереса – особое понимание участи малых этнических групп, проживающих на территории России: «Вопрос... о судьбах, населяющих Сибирь, представляет капитальную важность, если проследить его шаг за шагом, вплоть до наших времен, когда все эти жалкие самоеды, остяки, вогулы, тунгузы, юкагири, коряки, камчадалы и пр. на наших глазах вымирают не по дням, а по часам. Водка, сифилис, кабала и эксплуатация русских

промышленников, произвол и безучастное отношение русской администрации... – вот плоды той роковой цивилизации, от одного прикосновения которой инородцы гибнут и вымирают...» [Мамин-Сибиряк 1958: 397].

Б. Удинцев опубликовал практически полный комплект записей фольклорного материала, собранного Маминым-Сибиряком и нашедшего отражение в множестве произведений писателя. По наблюдениям Удинцева, Мамин изучал «язык степняков, их сравнения, стихотворные формы, особенные признаки "местных колоритов", древние мифы, путешествия и фантастические предания». В записных книжках писателя остались и следы изучения Востока: «Цитаты из научных трудов, стихи Саади и Гафиза, имена Чингисхана, внушавшего "страх миру" и бывшего "серпом гнева божия", и т.д.» [Удинцев 1966: 14]. Очевидно, что создание «восточных легенд», с их самобытным идейно-художественным своеобразием, базировалось на глубоком познании Маминым восточного фольклора и культуры.

Художественная специфика легенды «Баймаган» (1886), ставшей первой по времени написания в цикле писателя, во многом связана с особенностями восточного мироощущения человека. В основе восточного типа мироощущения лежит неизменность социально-экономического уклада, отсутствие исторического динамизма, что гарантирует «стабильность цивилизации, отсутствие тех изменений, которые могут привести к её гибели» [История... 2005: 70-71]. Устойчивость данного типа культуры обусловлена традицией накопления человеческого опыта в истории. Данной культурной модели соответствует общество, «подчиняющееся традиции, воспроизводящее уже имеющиеся экономические, социально-политические и идеологические отношения на протяжении длительного времени» [Там же: 70].

Идея восточного традиционализма и «устойчивости» культуры, на наш взгляд, отразилась в образной системе и сюжете маминской легенды «Баймаган». В ходе сюжета произведения обнаруживается, что Баймаган, накопил большое состояние и даже успел сменить двух жён, а Хайбибула,

антагонист главного героя, очень постарел. Но при этом обстановка вокруг них не изменилась. В их жизни не случилось ни одного внешнего обстоятельства, которое бы поменяло уклад их жизни. Они не переживали о завтрашнем дне, не готовились к нему, а воспринимали происходящее как данность.

«Закрытость» восточной культуры, низкая степень социальной мобильности людей обуславливает невозможность (или большую сложность) смены своей социальной принадлежности, что сравнительно легко допустимо в культурах западного типа. Родившись бедняком, Баймаган сумел добиться равного социального положения зажиточному Хайбибуле, который, между прочим, тоже не всегда был богатым. Хайбибула добился материального благополучия путём грабежей и набегов.

С одной стороны, факт становления бедняка богачом противоречит идее низкой социальной мобильности культуры Востока. Вероятно, это связано с тем, что место действия легенды – Сибирь, которую населяли кочевые народы. Кочевой образ жизни накладывал свой отпечаток на социальные отношения, в частности, давал возможность добиться больших успехов в обществе путём разных деяний, которые Хайбибула и совершал.

Кочевая жизнь киргизов, народа, описанного в «Баймагане», ярко воплощена в образе жилища, именуемого как «кош». Согласно авторскому комментарию, кош – «круглая киргизская палатка из войлока» [Мамин-Сибиряк 1898: URL]. Отсутствие даже у самого видного жителя капитального строения, с фундаментом и стенами, свидетельствует о том, что действующие лица явно находятся в племени, которое в любой момент может переместиться в другое место киргизской степи.

В легенде Мамина-Сибиряка особенности восточного типа мировоззрения отражены и в образах женщин, у которых нет свободы и права голоса. В «Баймагане» представлено несколько таких героинь: Ужина, Гольдзейн и Макен. Ужина дана изначально в преклонном возрасте. Мамин-Сибиряк показывает, что происходит с женщинами, которые потеряли былую красоту, что так привлекала в прошлом их женихов.

Хайбибула говорит ей: «Ты мне надоела, Ужина... Вот получу калым за Гольдзейн и прямо с деньгами поеду под Семипалатинск <...> а тебе, старой кляче, пора отдохнуть» [Мамин-Сибиряк 1898: URL]. Старые женщины не интересны, поскольку они потеряли главное – красоту.

Гольдзейн показана от момента самого расцвета красоты до её упадка. Поначалу о ней мечтают все, в том числе и Баймаган. Но женихом её станет лишь тот, кто принесёт выкуп: пятьсот рублей и сто лошадей (так решил Хайбибула, который не советовался ни с женой Ужиной, ни с самой Гольдзейн). Когда Баймаган приносит выкуп, он получает Гольдзейн. Постепенно она начинает стареть, и он, как и Хайбибула, начинает её ненавидеть за это: «Раз он больно прибил Гольдзейн, и когда она стала плакать в своём углу, он занёс было руку с нагайкой, чтобы ударить её по спине, но взглянул на её заплаканное лицо, испуганные глаза – и рука с нагайкой бессильно опустилась сама собою: на него смотрела старая Ужина, а Гольдзейн, красавицы Гольдзейн, больше не было» [Мамин-Сибиряк 1898: URL].

Третья женщина в легенде – Макен, которая в сюжете легенды показана только молодой. Подобно другим героиням легенды, она лишена воли, не смеет показывать свои чувства. Она только лишь ждёт, обратит на неё Баймаган внимание или нет. Во сне Баймаган, разбогатев, пожелал обладать ею (т.к. она не постарела), но она уже принадлежала другому. Тогда он получил желаемое, убив мужа Макен. Но наяву герой вознагражден по заслугам, поскольку ужас совершенных убийств – лишь страшный сон. Баймаган женится на Макен, достигая счастья.

Восточный колорит маминской легенды во многом обусловлен использованием характерных природных образов. Автор стремится воплотить свойственный для восточной культуры идеал гармоничных отношений между человеком и природой.

Образы природной сферы часто используются Маминым в качестве мерил человеческих отношений и качеств. «Мысли, как птицы», – говорит Баймаган в самом начале легенды. Хайбибула

именуется «старой лисицей», «хитрой лисицей». Ужину Хайбибула называет «старой клячей», и никак не иначе. Добрые слова согревают душу героев, «как солнечный луч». Нрав Гольдзейн мудрым словом Ужины описывается как «волчья кровь». В сюжете сна Баймаган однажды «орлом прилетел» к Хайбибуле, когда собирался дать выкуп за Гольдзейн. Сам он, будучи маленьким, рос бедняком у Хайбибулы, «как маленькая собачонка». Ночью, задумав убийство Хайбибулы, Баймаган крадётся, «как змея». Мы видим, что каждое сравнение, прямое или контекстуальное, непосредственно обращено на сравнение человека с природными явлениями. Обширный перечень сравнений указывает на родство, гармоничность взаимоотношений человеческого и природного начал [Мамин-Сибиряк 1898: URL].

Однако, в легенде показан и другой вариант взаимоотношений человека и природы, когда человек, забыв о взаимном сосуществовании, пытается подчинить себе природную стихию, минуя стадию созерцательного, постепенного сближения. Об этом свидетельствует эпизод с лошастью, которую только-только поймали, не успели приручить и научить ездить вместе с наездником, нарочно дали взбудораженному Баймагану, который хотел показать свои достоинства и возможности перед возлюбленной. В результате «человек и лошадь боролись отчаянно несколько часов». Но нельзя торопить ход событий, нельзя сразу дикое животное, порождение природы, в одночасье подчинить своей воле, вызванной корыстью, и восторжествовать. Поэтому позже «Баймагана нашли в степи без чувств. Он лежал весь избитый, голова, лицо и плечи были покрыты глубокими ранами от лошадиных копыт» [Мамин-Сибиряк 1898: URL].

Важная черта образа природы в легенде «Баймаган» – её неизменность. Произведение начинается с рассуждения Баймагана: «Хороша киргизская степь, хорошо голубое небо, которое опрокинулось над ней бездонным куполом, хороши звёздные степные ночи» [Мамин-Сибиряк 1898: URL]. А спустя многие годы автор напишет: «Киргизская степь была так же хороша, как десять лет назад, также весной она покрывалась

цветами и ковылём, тот же играл по ней степной ветер, а зимой волком завывали снежные метели; голубое небо так же высоко поднималось над ней, так же паслись по ней косяки киргизских лошадей» [Мамин-Сибиряк 1898: URL]. Мир природы всё также прекрасен, спокоен и закономерен, на него не влияют интриги, происходящие внутри людского поселения.

Некоторые исследователи замечают влияние идей буддизма на «восточные легенды» Мамина-Сибиряка. На наш взгляд, в легенде «Баймаган» идеи буддизма нашли свое отражение в двух аспектах. Во-первых, заметим, что буддизм можно рассматривать не только как религию, но и как философию. «Буддизм дал универсальную «теорию спасения» для всех людей, вне зависимости от их социальной и сословной принадлежности, имущественного положения, расы, языка, ступени развития» [Кочетов 1983: 56]. Поэтому можно предположить, что в сюжете легенды приход бедняка Баймагана к новому своему состоянию, то есть освобождению от корыстных и честолюбивых идеалов, вполне можно считать созвучным буддийскому мироощущению.

Во вторых, «канонический буддизм рассматривает человека как обособленный мир в себе, себя порождающий и себя же уничтожающий или спасающий» [Жуковская 1992: 9]. Из сюжета маминской легенды известно, что вначале Баймаган встал на определённый путь, который явился завязкой всех событий – его любовь к Гольдзейн и желание быть с ней. Для этого ему нужны были богатства. Так он попадает в болезненный сон, где уничтожаются самые лучшие его качества – доброта и нравственность. Он становится похожим на Хайбибулу, которого раньше презирал и проклинал, а теперь понимает и даже уважает. Уничтожение себя усугубляется, и Баймаган начинает убивать и грабить в целях своей корысти. Но в конце легенды выясняется, что все события, воплощающие разложение души героя, были лишь во сне. Баймаган благодарит Аллаха за то, что тот открыл ему глаза, и с этого момента он выбирает совсем иной, истинный путь, который ведет к спасению души – женитьба на Макен.

В сюжете Баймагана просматривается и воплощение так называемых «четырёх истин» буддизма. Первая истина гласит: всё есть страдание. Баймаган начал свой путь со страдания – он влюбился в ту, с которой ему не суждено было быть никогда. Вторая истина гласит о причине страдания: «Человек, пользуясь материальными вещами и духовными ценностями, рассматривает их как реальные, постоянные, поэтому он желает обладать и наслаждаться ими, отказываясь от других» [Жуковская 1992: 11]. Баймаган пытался добиться получить Гольдзейн, и во сне ему это удалось. Но он не стал счастливее. Обретение настоящего счастья героем соответствует третьей истине буддизма – истине о прекращении страдания: «С исчезновением причины страдания исчезает и само страдание» [Буддизм 2010: 101]. Баймаган, осознав причину страдания, отверг страдание, и выбрал другой путь – с Макен. История Баймагана заканчивается эпизодом, созвучным третьей истине. Воплощение четвёртой истины в сюжете «Баймагана» – достижение нирваны – очевидно, не входило в художественные задачи русского писателя.

Таким образом, мы видим, что культура Востока, идеи буддизма, действительно, оказали своё влияние на художественное своеобразие легенды Мамина-Сибиряка «Баймаган». Воплощая представления людей восточного склада о нравственных ценностях, образе «положительного» героя, Мамин-Сибиряк ведет читателя к пониманию народного представления о счастье, которое поначалу мнимо видится в материальном богатстве, а в итоге оборачивается необходимостью сохранения духовных ценностей – доброты, любви, гармонии с природой. Независимо от культурных различий, Мамин-Сибиряк обнаруживает внациональную основу общенародных представлений о счастье, идеале существования человека, с которой совпадает и его авторская позиция.

Литература

Буддизм: иллюстрированная энциклопедия / под ред. А. Богословского. М. : Эксмо, 2010.

Дергачёв И.А. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870-1890-х годов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005.

Жуковская Н.Л., Корнеев В.И. Буддизм: Словарь. М. : Республика, 1992.

История мировой культуры (мировых цивилизаций) / ред. Г.В. Драч. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

Кочетов А.Н. Буддизм. М. : Наука, 1983.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Легенды. СПб. : Типография И.А. Богельман, 1898. URL :

http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_1898_2_baymagan.shtml
(дата обращения: 10.11.2016).

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений : в 10 т. / под ред. А.И. Груздева. М. : Правда, 1958. Т. 10.

Приказчикова Е.Е. Философский контекст и мифологическая символика «восточных легенд» Д.Н. Мамина-Сибиряка // Известия Урал. гос. ун-та. 2002. № 24. С. 65 – 86. URL: <http://elar.uurfu.ru/bitstream/10995/24074/1/iurg-2002-24-07.pdf> (дата обращения: 10.11.2016).

Удинцев Б.Д. Фольклор в записных книжках Д.Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966.

УДК 821.161.1-1(Пастернак Б.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

В.Е. Суслов

*(Гюменский государственный университет,
Тюмень, Россия)*

«ПРО ЭТИ СТИХИ»: ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СТИХА В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА

Аннотация. В статье рассматривается литературоведческий термин как один из ключевых элементов эстетической концепции Б. Пастернака. В работе выделяются основные значения, которые приобретают лексемы семантической группы «стих» в лирике Б. Пастернака 1912-59 гг. Отмечается, что обращение поэта к терминологии связано с рефлексией собственного творчества, а также с необходимостью осмысления отношений конструируемого поэтом художественного мира и реальности. Лексема «стих» нередко оторвана